

ОРИЕНТАЛИЗМ «ОРИЕНТАЛИЗМА» Э.В. САИДА¹

Работа Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1 ed. – 1978; rev. ed. – 1995) широко известна, однако приобретенная популярность во многом затемнила исходные положения и концепцию автора. «Ориентализм» рассматривается ныне в свете получивших широкое распространение с 80-х годов прошлого века исследований «ориентализма» (причем область применения данного термина для фиксации исследуемого объекта продолжает расширяться, включая с 90-х годов, в частности, проблематику «внутреннего ориентализма»).

Столь быстрый рост разнородных и разнокачественных исследований, объединенных единым термином, заставляет вернуться к исходной работе, очертившей базовую проблематику «ориентализма» как объекта. Такого рода вторичное обращение к работам, приобретшим статус «классических», выступает одной из характерных черт социально-гуманитарного знания как такового, поскольку в последнем объект исследования достаточно явным и непосредственным образом задается самой процедурой описания и проблематизация описанного производна от того, каким образом осуществлено первичное описание объекта [см.: 2]².

В теоретическом плане определяющими подход Саида выступают работы Мишеля Фуко и Ролана Барта. Но если Фуко неоднократно цитируется и концептуально задействованными оказываются как «Слова и вещи», так и последующие тексты («Археология знания», «Надзирать и наказывать», «Воля к знанию»), то единственный текст Барта, прямо названный в тексте, – «Мифологии» [1, с. 476]. Подобный выбор дает повод задуматься, что именно в структуралистских и постструктуралистских исследованиях европейских авторов является теоретически значимым для Саида.

Теоретический импульс, заданный «Словами и вещами», прямо подчеркивается Саидом [1, с. 39], указывающим и на существенное отличие от подхода Фуко:

«...В отличие от Мишеля Фуко, работам которого я многим обязан, я верю в то, что индивидуальность автора налагает свой отпечаток в любом другом отношении на анонимное коллективное тело текстов, образующих такую дискурсивную формацию, как ориентализм. [...] Соответственно, в моем анализе используются такие текстуальные данные, которые направлены на раскрытие диалектики соотношения между индивидуальным текстом или автором и той сложной коллективной формацией, на которую его работа оказывает влияние»³ [1, с. 40].

Однако сам текст Саида свидетельствует о наличии куда более глубоких теоретических расхождений с Фуко, чем заявленные автором во введении: Саид остается скорее в рамках классических «генеалогий» знания, простраивая нарратив о формировании, торжестве и кризисе «ориентализма» как

способа мыслить восток (East) в качестве «востока» (Orient). «Ориентализм» Саида отсылает к «Персам» Эсхила, «Вакханкам» Еврепида, к Геродоту [1, с. 88 – 92], к Данте и Шекспиру [1, с. 108 – 109, 112 – 113]. Этот «ориентализм до ориентализма» выступает как некая культурная матрица, способная породить собственно «ориентализм» при наступлении подходящих условий – а именно, когда Запад обретет силу превратить восточные страны в объект своего воздействия (и тогда этот объект приобретет эксплицитные формы «Востока»).

Взгляд Запада, обращенный на восточные страны, позволяет одновременно:

(1) конструировать себя в качестве некоего целого, противостоящего «Востоку» («негативная идентичность», продуцируемая и воспроизводимая уже классическими текстами и, следовательно, не связанная в тесном смысле слова с собственно «ориентализмом»);

(2) эссенциализировать «Восток» и тем самым придавать ему статус объекта;

(3) объектуализировать «Восток» (который выступает противоположностью Запада, приобретающим монополярный статус субъекта) и посредством этого легитимировать – более того, сделать единственно возможным – колониальное или полуколониальное господство Запада.

В результате по интенции работа Саида оказывается ближе к «социологии знания», чем к выстраиваемой Фуко «археологии». Выстраивание «Другого», ментального зеркала, позволяющего определить себя, является извечной потребностью и фундаментальным первичным способом самопонимания и самоопределения. «Ориентализм» тем самым оказывается не новым дискурсом, а использованием едва ли не извечного дискурса в изменившихся условиях – когда «Другой», интересовавший нас до этого исключительно в ментальном плане, причем интересовавший не ради себя, а исключительно как позиция, с которой делается возможным описание себя, оказывается в пределах нашей власти, из исключительно ментальной сферы попадает в сферу политического, экономического интереса. «Другой» был сконструирован ради целей, внешних по отношению к реальному субстрату, послужившему основой для данного конструирования – но затем он замещает в представлении того, по поводу кого он был сконструирован, образ оказывается сильнее реальности.

Здесь скрывается тезис, еще дальше разводящий взгляды Саида и Фуко. С точки зрения работ Фуко с середины 1960-х до конца 1970-х, мы можем говорить об эпистемах и дискурсах, мы можем сопоставлять их между собой, но мы не можем сопоставить дискурс с «самой реальностью», эпистему с «объективными законами мира». Мы всегда описываем мир тем или иным образом – и обсуждая то или иное описание, тот или иной способ понимания, мы осуществляем это из того же самого дискурсивного пространства или иного, но всегда остаемся в пределах «уже данных» ментальных схем. Напротив, Саид противопоставляет «ориентализм» как ложный, искажающий взгляд на Восток реальности Востока:

«С самого начала изучения Западом Востока последнему никогда не удавалось говорить за самого себя. Свидетельства Востока обретали достоверность только после того, как проходили сквозь очистительный огонь работ ориенталистов» [1, с. 436].

В этом контексте становится понятным, почему из всех текстов Барта именно к ранним «Мифологиям» Саид счел нужным сделать отсылку в тексте. «Мифологии», равно как и «Нулевая степень письма» – тексты, за относительно сложными конструкциями которых содержится презумпция возможности непосредственного доступа к реальности. «Мифологии» не только говорят о мифах мелкой буржуазии, но и опираются на «реальность как таковую». Текст приносит искажение, но возможен нетекстовый опыт, возможно посредством текста описать «мир как таковой». В некотором смысле именно к «Мифологиям» ближе всего по содержанию и методологии «Ориентализм» Саида – как и ранний Барт, Саид стремится демифологизировать Восток, преодолеть миф «ориентализма». Разнохарактерность параграфов книги выступает различными опытами демифологизации, по аналогии с множественностью вариантов разрушения мифа, опробуемых Бартом в своих заметках и теоретически осмысляемых в послесловии.

Текст Саида включает фундаментальное притязание – подобно тому, как ориенталист считал возможным говорить о «Востоке» и вместо «Востока», поскольку последний не способен говорить за себя, так Саид претендует на разрушение данного пространства «говорения» за счет собственной привилегированной позиции. Он говорит из того, что для ориенталиста является «Востоком», т.е. своим собственным действием трансформирует объект в субъекта, и при том разрушает «Восток», поскольку утверждает возможность множественности субъектов вместо единого гомогенного объекта, обладающего неизменной, вневременной сущностью. В то же время позиция Саида скрывает в себе опасность вторичной «ориентализации» – Саид может быть услышан только постольку, поскольку он включен в «Запад», т.е. является западным человеком, говорящим вновь о «Востоке», говорящий иное, но фактически оказывающийся в рамках того же дискурса. Он, следовательно, может быть услышан ровно в той мере, в которой будет воспринят как «ориенталист», в данном случае говорящий против «ориентализма».

Невосприимчивость к фундаментальной проблематике Фуко, проявленная в работе Саида, ведет к игнорированию базового затруднения – победенные немые не потому, что не могут говорить, а потому, что у них нет своего языка, они принуждены говорить на языке победителя⁴. Саид получает возможность говорить и быть услышанным в той мере, в какой он сам является ориенталистом – его дискурс закономерным образом оказывается един с коллегами-противниками и потому текст превращается, как позже высказался сам Саид, в «памфлет» [4, с. 626].

Тогда возникает вопрос: собственно, в чем значение работы Саида, если заявленные им цели оказываются нереализуемыми в силу наличествующего в них внутреннего противоречия? Преодолеть «ориентализм» – не сводимый к тем или иным фактическим утверждениям, но заключающийся в эс-

сенциализации и объектуализации «Востока» – невозможно, но Саиду удается иное: проблематизировать дискурс, лишить его самоочевидности.

И здесь возникает фигура читателя, адресата книги – помимо явного адресата, западных интеллектуалов и тех же самых ориенталистов, у книги есть более важный, но скрытый читатель – те самые «восточные люди», оказывающиеся объектом описания и воздействия со стороны Запада. Ведь «ориентализм» не только способ Запада говорить о Востоке, но он оказывается и языком самого Востока. Вестернизированный арабский интеллектуал, наподобие молодого Саида⁵, воспринимает окружающий его мир сквозь призму того же «ориентализма», он сам становится «внутренним Западом» на Востоке – и его страна, его культура предстают в этой перспективе объектами его воздействия. Именно преодоление этого собственного «ориентализма» придает тексту пафос внутреннего освобождения – текст перерождается из жанра *cultural studies* в психотерапевтическую практику гештальт-переклечения⁶.

Примечания.

1. Исследование выполнено в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Тема: «Исследование шансов и рисков социально-политической модернизации на Дальнем Востоке». Шифр 2010-1.2.1-102-016.

2. Реконструкция интеллектуальных практик и теоретических построений равным образом требует последовательной фиксации переописаний объектов и исходных понятий, поскольку специфика социально-гуманитарного знания состоит, в числе прочего, в практиках скрытого, осуществляемого *de facto* переописания.

3. Отметим попутно, что подобный теоретический выбор ведет к некоторой неясности концепции – между предельно общими тезисами и индивидуальными вариантами возникает «серая зона», поскольку Саид не выделяет дискурс в его автономии и, следовательно, прослеживание имманентной логики дискурса оказывается за пределами его сферы интереса.

4. Описанное переворачивание закономерно и возвращает нас к исходному, оговоренному самим Саидом, методологическому расхождению с Фуко. Саид мыслит свое исследование как одноуровневое со «Словами и вещами» (только в свете подобной посылки получает корректный смысл осуществленное им методологическое размежевание), но «ориентализм» (XIX века) оказывается только частным случаем более общей дискурсивной практики, включающей как способ мыслить ислам, так и Африку или Латинскую Америку или собственную нацию. Безсубъектность, на которой настаивает Фуко, не результат описания какой-то иной научной области (менее зависящей от личности, как полагает Саид), но описания иного уровня – того, который делает возможным и частные научные исследования, и общие концепции, и травелоги, и «восточные романы». Фуко говорит о возможности того или иного типа «гуманитарного знания», о структуре, делающей возможным последнее, тогда как Саид говорит о конкретном феномене – причем логика исследования, против его собственной воли и озвученных методологических посылок, заставляет его временами автономизировать предмет исследования.

5. Саид вырос в вестернизированной богатой арабской семье, детство провел в европейских кварталах Иерусалима и Фейсаловского Каира, потом обучался в Америке. Английский язык был языком его детства, по-арабски говорили только с прислугой. В Америке он был не чужаком, а одним из тех обеспеченных эмигрантов, которые отнюдь не вынуждаемые обстоятельства делают выбор в пользу Америки и делают там карьеру среди им подобных. «Осознание себя арабом», как вспоминал сам Саид, пришло к нему поздно, в ситуации войны на Синае 1967 г. – в определенном смысле можно сказать, что

Саид решил быть арабом, сделал выбор быть палестинцем (и, соответственно, его текст создан в ситуации по меньшей мере двух перспектив).

6. Из того же источника проистекает актуальность и популярность концепции, например, в России и в других странах, ощущающих себя объектом «западного взгляда», лишенными субъектности.

Библиографический список.

1. Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 640 с.

2. Классики и классика в социальном и гуманитарном знании / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 536 с.

3. Барт, Р. Мифологии / Пер. с фр., пред. и коммент. С.Н. Зенкина. – М.: Академический проект, 2010. – 352 с.

4. Крылов, К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2006. – С. 598 – 635.

5. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сad, 1994. – 406 с.